

шар пушистый, красивый, гладкий, он светится. И он - абсолютно нефункционален. Другое дело, что в обществе, в обществе себе подобных, человек должен выполнять какие-то функции. И, как правило, общество не воспринимает его иначе, чем набор функционала...

- А должен ли, по-вашему, исполнять какие-то функции большой светящийся шар в обществе?

- Хороший вопрос. Да. Но совсем не по тем причинам, по которым обычный человек выполняет свои функции.

- А по каким причинам обычный человек выполняет свои функции?

- Они все время жрут. Они жрут спектакли, они жрут песни, они жрут фильмы, они жрут колбасу. Просто, они жрут. И если они что-то делают, то это, просто, цепочка из 2-3 шагов, чтобы что-то сожрать. Если они работают, то для того чтобы получить какое-то количество денег, чтобы сожрать - отдыш в Тайланде, квартиры... Они только жрут.

Но дело в том, что есть какое-то количество людей, которые не жрут, которые производят, которые излучают. Например, Бах. Но дело в том, что через 200 лет после его смерти не могли найти его могилу, потому что при жизни его не признавали. И когда ищут его могилу, не могут найти даже камень, на котором выбито его имя. Если это был Ван Гог, то после 40 лет после его смерти его картины начали что-то стоить, а он умирает в нищете. Если это Сократ, его отравляют цикутой сограждане, граждане Афин. Если это Христос, то его распинают на кресте. Он никому не нужен, хрустальный светящийся шар.

- То есть распятый Христос, отравленный Сократ и умерший в безвестности Бах, получается, не жрали?

- Нет-нет. Это неправильная логика. Дело в том, что тут важно, какова основная позиция? Основная позиция большинства людей - просто, жрать. Все, что они делают, если докопаться до их глубинных мотиваций, основная мотивация - это пожрать побольше. Если взять какое-то небольшое количество людей, таких как Сократ, таких как даже Александр Македонский, как Бах и Ван Гог, у них не было в основе "жрать".

- А что у них было в основе?

- Ну, я уже сказал... это может быть непонятно, но - игра. Уберем слово "игра", тем более, оно оплошно европейскими философами и психологами. В любом случае, не зарабатывание бабок. Их это не интересовало.

- Чем же, собственно, так сильно отличается зарабатывание бабок от того, что мы с вами только что рассматривали?

- Дело в том, что любая игра, она не корыстна, она - благородна, она - это творчество. Она - это то, что человек совсем не делает проекцию на то, сколько он получит денег, как он будет жить. Говоря другими словами, человек поступает так, как он считает должным и нужным, исходя из самых глубин своего естества. А есть другая позиция. Когда человек игнорирует глубины своего естества и поступает не так, как должно, не так, как нужно, не так, как подсказывает совесть, а исходя из того, сколько он заработает денег. Если он так поступит, он получит боль-

ше, если он не так поступит, он получит меньше. Если он так поступит, он получит больший статус, который позволит ему зарабатывать больше денег, если поступит по-другому - он получит чуть меньше денег, меньше статуса. И другая позиция: "Я поступаю так, как считаю нужным, и никакие фиговины - деньги, норки хомячки с запасом зерна..." Вас что-то расстроило?

- Получается что...

- Получается, что тот человек, который сможет удержаться на уровне "делаю то, что нужно и не делаю того, что меня заставляют делать обстоятельства", он гораздо сильнее, чем все остальные люди. Иначе он просто не удержится на этом уровне, иначе это будет просто пустым мечтанием. И это означает, что он может делать все, что угодно, включая... помогать всем вокруг. Но это уже другая тема.

- Так где тогда пролегают грань между Ван Гогом, который может себе позволить не жрать, и тем самым человеком, который...

- Когда я говорю "убивать", я имею в виду, ну, одно из качеств. Всего лишь одно. Оно не является самым главным. Оно просто характеризует силу, уровень силы. Другое дело, что тот, кто обладает достаточной силой, чтобы дойти до этого уровня обладания такой силой, он, естественно, должен еще на более ранних уровнях распрощаться с такими штуками как грабеж, насилие, убивание во всех видах. Но он очень сильный. Особенно, если он не уходит в сторону, на горку, в монастырь в любом виде, а живет в реальной жизни, то есть конкурирует с другими млекопитающими, или "приматами одомашненными", как называют их Уилсон. На сегодняшний день есть 2 человека, которые дошли до величайших глубин из современных людей. Кастанеда и Уилсон. До величайших глубин понимания. Правда, они каждый остановился у своей черты. Уилсон перед более... Ну, не важно. Важно то, что Пауло Коэльо, Ричард Бах, а, прежде всего, Кастанеда и Уилсон, они просекают больше всех устройств мира и вот те вопросы человеческой цивилизации...

- Это кем-то доказано?

- Доказательств того, что кто-то что-то просекает, - их нет. Нет, и никогда не было. Иначе бы Христа не распяли. И прочих бы - тоже. Из всех, кто мне встречался, больше всего просек это Будда. Причем, в своей "Алмазной Сутре" он это все изложил 2,5 тысячи лет назад.

- Изложил что?

- Тонкое устройство мира... Я много могу чего рассказать, но дело вот в чем. Мои личные исследования в результате какого-то количества лет показали, что из тех, кто врубаются, это, прежде всего, Будда, Хуай-нэн, Ленин, Маркс.

- А Хуай-нэн - это кто?

- Хуай-нэн - это шестой патриарх, это основатель чань-буддизма в Китае, это примерно 670 год. Где-то в X-м веке в Японии, после Хуай-нэна и Линь-цзы, родилось такое направление, как дзен. Дзен - это был X-XI век, а чань - VII-IX века. Первые - это Хуай-нэн, за 300 лет до него Бодхидхарма, после Хуай-нэна через 200 лет - Линь-цзы. В японском дзен он известен, как Риндзай. Вот это те, кто все правильно понимал.

- Что именно правильно понимал?

Первый тезис такой: когда все рушится, никто этого не замечает на расстоянии сантиметра, точнее, месяца, от обрушения. А второй тезис такой: люди, даже самые лучшие, ничего не делают для других людей. То есть, все они гребут под себя.

- Они понимали, как правильно из человека сделать мастера во внутренних и внешних технологиях.

- Я не совсем понимаю, что такое внутренняя и внешняя технология?

- Это сила, одновременно, философа и бойца. "Философа" - это значит человека, который справляется правильным образом со всеми затыками, которые у него возникают внутри, и, правильно развиваясь, приходит через какое-то количество лет, достаточно длительное, к какой-то гармонии внутренней. А "внешнее" означает - это человек, который умеет драться, то есть его не перешибают соплей, он умеет это, это, это, это и это.

- Довольно много уметь надо.

- Очень много. Совершенно много. И вот они поставили перед собой впервые в истории такую благородную задачу - сделать человека мастером внутреннего боя и мастером внешнего боя. Тот человек, который является правильным философом, и тот который идеально адекватно приспособлен к внешней среде.

- Зачем это было нужно?

- Тогда? Тогда это был, просто, инструмент.

- Нет, а вообще зачем?

- А сейчас тебе не выжить. Ты не выживешь. Дело в том, что если ты не являешься мастером внутреннего боя, философом, ты никогда не будешь правильно делать внешние действия, и, второе, то, что если ты не являешься мастером внешнего действия, то вся твоя внутренняя философия и внутреннее знание, это просто фигня, если она не соприкасается с внешней жизнью. Потому что, когда ты прикасаешься к внешней жизни, которую ты знаешь теоретически, ты начинаешь понимать, что все совсем не так как тебе казалось, несмотря на то, что ты считал себя умным. И это сочетание внешнего и внутреннего - это высший уровень, которого еще ни у кого на уровне человечества, в общем-то, не было.

- Что такого высшего в этом? Над кем высшего?

- Дело в том, что "над кем", - это понятие человеческое. Это - фигня. Я сейчас не опровергаю тебя, я пытаюсь таким образом, высказать некую глубинную мысль, что вопрос "над кем", и все следствия

и мотивация этого - это такая фигня...

- ??

- Дело в том, что если я, например, превосхожу тебя, ну, к примеру, в 10 или в 1000 раз, то я никак не буду это применять. Это означает, что "над кем" - это понятие человеческое.

- Моя личная проблема в том, что я не могу оперировать надчеловеческими терминами.

- Надчеловеческими терминами? Я единственное, что могу сказать по этому поводу, что это - надуманная проблема. Это не означает, что она не реальная. И она звучит именно так: я, будучи человеком, не могу оперировать надчеловеческими терминами. Но дело в том, что нужно достаточно немного. Достаточно сдвинуть сознание, и исчезает это противопоставление - "будучи человеком" и "надчеловеческими терминами". Это противоречие чисто интеллектуального характера. То есть там нет ничего человеческого и надчеловеческого. То, что считается человеческим, тем более, в европейской цивилизации, это всего лишь набор неких стереотипов, некоторых инстинктов, а точнее - проекций инстинктов, и некоторых вбитых в детстве, а точнее - импринтированных, стереотипов. Вам известно, что такое "импринт"?

- Совершенно неизвестно.

- Ну, это когда гусь вылупляется из... ну, или цыпленок, вылупляется из яйца, он видит курицу. И он сразу считает ее матерью и за ней следует. Если он увидит утку, он будет считать утку своей матерью, и будет за ней следовать. Если он увидит просто мяч - видели по телевизору такие эксперименты? - он начинает ходить за мячом, как за своей матерью. Это называется "импринт". У людей импринты конечно гораздо более сложные. Но это импринты. Если ты будешь докапываться, почему ты считаешь что-то тем-то или иным, и твой интеллект позволит тебе правильно докопаться по всей цепочке, ты увидишь, что, оказывается, вот это ты видел в детстве или услышал от какого-то человека. Все. Этот человек тебе нравился, ты это принял на веру. Все. Это импринт. Ну, все, что я сказал вы, наверно, поняли.

беседу записал Vzicky

Монолог великого Инвизитора, обращенный к Иисусу Христу

"Братья Карамазовы"
Ф.М.Достоевский
Глава "Великий Инквизитор"

Реши же сам, кто был прав: ты или тот, который тогда вопрошал тебя? Вспомни первый вопрос; хоть и не буквально, но смысл его тот: "Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, - ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побегит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымеешь руку свою и прекратишься им хлебы твои". Но ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом...

О, никогда, никогда без нас они не накормят себя! Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: "Лучше поработите нас, но накормите нас".

Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать - так ужасно им станет под конец быть свободными! Но мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твое. Мы их обманем опять, ибо тебя мы уж не пустим к себе.

Приняв "хлебы", ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческого как единичного существа, так и целого человечества вместе - это: "пред кем преклониться?" Нет заботы беспрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться. Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение. Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе. Вот эта потребность общности преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков. Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга мечом. Они созидали богов и зывали друг к другу: "Бросьте ваших богов и придите поклониться нашим,

не то смерть вам и богам вашим!" И так будет до скончания мира, даже и тогда, когда исчезнут в мире и боги: все равно падут пред идолами. Ты знал, ты не мог не знать эту основную тайну природы человеческой, но ты отверг единственное абсолютное знание, которое предлагалось тебе, чтобы заставить всех преклониться пред тобою бесспорно, - зная хлеба земного, и отверг во имя свободы и хлеба небесного. Взгляни же, что сделал ты далее. И все опять во имя свободы! Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть. С хлебом тебе давалось бесспорное знание: даешь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба, но если в то же время кто-нибудь овладеет его совестью помимо тебя - о, тогда он даже бросит хлеб твой и пойдет за тем, который обольстит его совесть. В этом ты был прав. Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлебы. Это так, но что же вышло: вместо того чтоб овладеть свободой людей, ты увеличил им ее еще больше!

